

Вспоминай

Рак не приговор, если ты успел
влюбиться в жизнь.

Александра Тонкс

Александра Тонкс
Вспоминай. Рак
не приговор, если ты
успел влюбиться в жизнь.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38570787

ISBN 9785449351791

Аннотация

«Она не об одиночестве, а о том, что даже в самой тяжёлой ситуации вы не будете одиноки, если сами себе этого не позволите!» 50 посланий и никаких правил. Вы можете быть сторонним наблюдателем, автором или получателем. Эта книга – способ дать отпор болезни, доказать себе и другим, что заболевание не отбирает у человека право на полноценную жизнь. Автор познакомит вас с творчеством новых музыкальных исполнителей, напомнит о старых друзьях, чьи песни давно не навещали вас, и поделится сокровенным.

Содержание

кому: Тебе	5
кому: Era Noble/Wolf Colony	11
кому: Brandon Flowers	16
кому: Angus & Julia Stone	21
кому: Breaking Benjamin	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Вспоминай

**Рак не приговор, если ты
успел влюбиться в жизнь.**

Александра Тонкс

© Александра Тонкс, 2018

ISBN 978-5-4493-5179-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

кому: Тебе

Нет, это не начало моей стопки писем.

Это её конец.

Пятидесятое — последнее на данном этапе письмо, но оно будет первым прочитанным тобой. Я писала людям, находящимся очень далеко от меня, и в одну минуту вдруг подумала: почему бы не написать ещё одному важному человеку, с которым я могу точно так же пообщаться, — тебе? Считаю, для этого у меня есть весомый повод: ты в данную минуту решаешься, читать ли тебе мои письма, а я охотно приглашаю тебя на их страницы. И я расскажу тебе, почему.

Ты, да-да, именно ты — очень важный герой этой книги, ты можешь найти себя в одном слове или целом абзаце. А ещё только ты, а не армия критиков и блогеров, вооружённых колкими терминами и хитрыми речевыми оборотами, ты решишь, о чём именно наша с тобой книга. Отчего это так важно? Напишу и об этом.

Несколько часов назад я поставила точку в своём сорок девятом послании, после чего надумала пересчитать их количество, ты о нём уже знаешь. Позже, под утро я прова-

лилась в яркий сон, до сих пор безо всяких скидок, льгот и снисхождения тревожащий меня. В этом сне я находилась в классе, на таком уроке литературы, которые отпечатались у меня в голове со школьных времён, но теперь я была не ученицей, а случайным посетителем, наблюдающим за происходящим с задней парты. Как и полагается, я не помню начало сна. Моё основное повествование началось с упоминания... меня.

«В качестве внеклассного чтения вам придётя ознакомиться с этой книгой» — сказал учитель, показывая на фиолетовый переплёт в своих руках.

Стоит ли говорить о том, как недовольно загудел класс? Вероятно, я тоже была бы не очень рада на их месте.

«Эта книга» — продолжал учитель — *«состоит из писем, адресованных музыкантам, но она не о музыке. Она об одиночестве, с которым вы однажды можете столкнуться»*.

И если начало было ещё хоть сколько-то удачным, то этот момент перешёл уже все мои личные границы обиды. Я была кем-то вроде призрака, которому не полагается вмешиваться в действительность и вставлять свои комментарии, но я не смогла усидеть на месте, отказавшись подчиняться зако-

нам сна. Подскочила со стула, не подняв руку, вышла к учительскому столу, попутно спотыкаясь от возмущения.

«И вовсе она не об одиночестве! Она о том, что даже в самой тяжёлой ситуации вы не будете одиноки, если только сами себе этого не позволите! Она о ценности времени и... и... и вообще!»

В ответ мне сказали, что я мало смыслю в книгах, и были в целом правы, но согласиться я не успела, так как мне пришло напоминание о том, что пора пить утреннюю порцию таблеток, а там и глаза открыть пришлось, и вернуться в свою комнату. И ещё через несколько минут посмеяться над увиденным.

А потом задуматься — почему нет? Сложить свою жизнь и в самом деле поделиться с тобой — разве это плохо?

Ты можешь читать письма в порядке, в котором я положу их для тебя, или так, как захочешь ты. Ты можешь быть сторонним наблюдателем, автором или получателем в зависимости от того, насколько близко или далеко для тебя будет то, о чём мы поговорим. Ты можешь соглашаться со мной или спорить — как бы я была рада твоему ответу! А ещё ты можешь найти здесь музыкантов, которых любишь, или познакомиться с теми, кого люблю я. Для тебя я приложу

за каждым письмом список пяти песен, звучание которых впиталось в текст. А перед письмами ты встретишь буквально те самые строки, которые предшествовали моему прикосновению к бумаге.

Не ищи связь между вдохновением от композиций и моими рассуждениями. Если ты найдёшь её, то в моих глазах ты — волшебник.

Эти монологи стали моим способом не разучиться дышать тогда, когда жизнь взяла паузу, потому что я на самой её взлётной полосе столкнулась с онкологией. Увы, болезнь — отрицательный герой истории, запирающий меня дома и держащий подальше от самых увлекательных сюжетных линий, и без этого героя на страницах не обойтись. А главный мой борец с этим злодеем — музыка, у неё очень много разных лиц, им-то я и пишу.

И есть ли у всего этого какой-то смысл и в чём он состоит... не стану об этом снова говорить, как это было в моём сне. На сей раз решать не шуткам моего подсознания, а тому, кто участвует в формировании этой книги, — тебе.

Тонкс

* * *

Я просыпаюсь, но не хочу открывать глаза, хочу ещё

немного побыть во сне, где я всё ещё учусь в школе. С тех пор, как я заболела «официально», обзавелась огромной стопкой выписок, осмотров, обследований и результатов анализов, мой сон стал неприкосновенным. Если я захочу поспать до обеда, мой слух не уловит никаких «Так и всю жизнь проспай», «Лучше бы толковым делом занялась», эти фразы исчезли с моего горизонта, потому что все знают, что сон для меня одно из основных лекарств. А ещё они знают, что я совсем не умею спать, спокойно проглотив боль или тревогу.

Но вдруг...

– Вставай, — говорит жизнь. — Вставай, упрямое создание.

– Нет, я сплю, — бурчу я, сжимая глаза ещё сильнее, чтобы не открылись ненароком.

Я знаю, за окном уже светло, все разбрелись по своим траекториям нужности. Я со своей немного сбилась, не хочу этого видеть.

– Раз уж я с тобой разговариваю, значит, не спишь, — настаивает жизнь. — Открой глаза, новый день и создан для того, чтобы пробовать что-то новое.

– Попробовать я хочу только булочки из своего сна. Наяву у меня нет и тени аппетита, потому что в меня влили оксалиплатин¹, который убеждает меня, что еда — это гадость самая настоящая. Но хотя бы во сне он надо мной не властен.

---

¹ Оксалиплатин — токсичный препарат для химиотерапии.

Могу попробовать всё, на что расщедрится моя фантазия.

Я не упоминаю только то, что во сне я нахожусь в школьной столовой, ассортимент там неправдоподобно хорош, а вот денег у меня в кармане совсем нет.

– Отчего не съесть что-нибудь наяву?

– Ты меня вообще слушаешь или нет? Я же сказала, меня тошнит от еды.

– Похоже, это ты меня совсем не слушаешь. Если ты всё время будешь это повторять, ты никогда не встретишься с аппетитом. Этого ты хочешь или всё-таки однажды съесть булочку из своего сна?

«Однажды». Такое сладкое слово. В запахах будущего нет ничего общего с тягучим лекарственным шлейфом.

Я открываю глаза и понимаю, что оксалиплатин мне не хозяин.

кому: Era Noble/Wolf Colony

*I'll always stay the same
If you don't change your ways,
If you don't change your ways,
If you don't change.
All I seek is the truth from you,
Is the truth from life.
Never stop this magical ride.²*

Наверное, письмо для меня то же самое, что для тебя — песня. Способ зафиксировать что-то, что не хочет умирать, как миллионы сгубленных мгновением чувств, эмоций и мыслей. Всё происходящее внутри меня напоминает мне множество бабочек. Пёстрый крылатый хаос. Кроме меня, их некому ловить. А письмо — монолог, в котором меня никто не перебьёт, даже если не согласен с моими словами, что очень важно для меня, потому что с каждым незаконченным предложением, мне кажется, гибнет некоторая часть меня. И этот самый монолог — банка, в которую я могу поймать тех бабочек, с которыми не готова расставаться. Так это я себе вижу и так хочу, чтобы ты представил себе это.

Я не здороваюсь, потому что никогда не прощалась с то-

---

² Переводы приведённых в качестве эпиграфа цитат песен см. в приложении... а оригинал слушай в плеере!

бой, да и не планирую. В конце письма, если ты дотянешься взглядом до его точки, тоже не жди подобного. Не прими это, пожалуйста, за стремление к грубости или высокомерие, мне всего лишь хочется очистить письмо от шелухи, которая держится исключительно на вежливости. Предпочитаю не писать того, что не произношу вслух.

Если бы мы встретились на улице — я точно знаю, что это произошло бы именно на одной из улиц Нью-Йорка, в окружении небоскрёбов, охраняющих мегаполис от возможного застоя, ты бы спешил по своим делам, мысленно обгоняя самого себя, а я грела бы руки о кофе в картонном стакане, и ничего для меня не предвещало бы такую встречу — я тоже бы не смогла поздороваться. У тебя бы не было волчьей маски, к которой мы все так привыкли. У меня бы не было трости, без которой мне сейчас трудно представить свой поход куда-либо. Мы оба расстались бы со своими вспомогательными элементами, создающими нам зону комфорта. Ты со своим уже расстался, а я — всё никак. Мне следует брать с тебя пример, я так и передам сегодня своему здоровью.

Я бы окликнула тебя по твоему псевдониму, который изначально запал мне в душу. Твой слух зацепился бы за знакомое словосочетание, но ты решил бы, что городской шум дурачит тебя и не остановился бы. Тогда мне пришлось бы вспоминать, что теперь тебя все зовут Эра Нобл, и это точ-

но стало бы тебе подножкой на пути. А в какие слова я бы облекла благодарность при этой встрече, я не стану думать: у меня должен быть стимул выздороветь, чтобы без трости добраться до этого момента. И плевать, что это было бы чем-то из разряда «нужно было сказать совсем не так». Есть в этом своя неподдельная искренность, почему-то собеседнику на самом деле всегда больше нравится первоначальный вариант. Оттого-то нам и не дано исправлять эти мгновения.

Как считаешь, если бы тебе было некуда спешить, мы бы нашли, о чём поговорить, не считая мои бесконечные вопросы? Возможно, мы не так далеки, как нам обоим бы показалось. Мы оба предпочли тесные взаимоотношения с музыкой всему остальному. А ещё можно обменяться воспоминаниями об общении с лошадьми и собаками. По моему мнению, даже разговоры о том, что лечит, уже и сами лечат — по меньшей мере профилактически поддерживают.

Но я вряд ли тот самый собеседник, которому бы ты хотел высказаться, именно поэтому мы говорим этим странным способом. Ты — песнями, я — письмом.

И несколько минут назад я, признаться честно, узнала, что в этом месяце ты обещал таким же своим «собеседникам», как я, новый альбом. Мысль о том, что я стою на пороге нового твоего откровения, но пока что перед закрытой дверью,

немного тормозит меня в написании письма. Ведь в этот раз всё будет иначе. Ты теперь снял не только своё волчье имя, которым я упрямо продолжаю называть тебя, ты окончательно снял маску, отдавая себе отчёт в том, что теперь песни обретут постоянное лицо. Прелесть композиций в том, что каждый слушатель может примерить их себе, и если они окажутся впору, песни обзаведутся своими образами, цветами и запахами. Но никому не изменить стержня песни — голос и лицо исполнителя всё равно остаются печатью. Я не присоединилась к тому числу слушателей, которым больше нравилось видеть тебя в маске. Я не вторила удивлённым голосам, которые стали задаваться вопросом о твоей национальности. В первый месяц совместного времяпрепровождения с твоими композициями я раскрыла секрет необычности твоего голоса, поэтому твоя внешность не могла меня удивить. Да, когда меня озарила догадка, магия твоего исполнения внезапно растворилась — ты же знаешь этот пресловутый эффект от разоблачения фокуса? Но со временем я снова восстановила эту магию для себя.

Уже давно нуждаюсь в том, чтобы подобрать слова для описания твоего голоса, и вот я добралась до письма тебе, а слова так и не нашлись. Но я же должна что-то сказать, а что я могу сказать спустя пять лет с первого знакомства?.. Не имею понятия.

Я знаю, что много моих черт утонуло в твоём голосе.

Это, пожалуй, всё, что я могу сформулировать точно.

Каким бы ни оказался твой новый альбом, я не потеряю всё, что из моей жизни впиталось в полюбившиеся мне треки. Летние прятки в тени. Надежды, которые ещё не догадываются о том, что они не бессмертны. Послевкусия ночных разговоров. Рабочие ожоги, боль от которых веселит. Усталость, сражающаяся с нежеланием спать, потому что... да как же можно спать, когда хочется столько всего успевать делать и чувствовать?

Когда-нибудь я вернусь в такое лето. Наяву, если окажусь настолько сильной, как мне хотелось бы думать. Или в бесконечном сне. Если всё-таки не окажусь.

Напишешь нам песню про бабочек, Эра Нобл?

Тонкс

Песни Wolf Colony:

Beauty

Forgiven

Awake

Ocean

Dark & Moody

кому: Brandon Flowers

*Spinnin' like a Gravitron,
When I was just a kid
I always thought that things would change
But they never did.*

Нас весь день на своей земной плите жарит Солнце, как будто хочет слопать на завтрак. Люди наивные, пригреваются, спуют под тёплым светом туда-сюда, не догадываются, что все мы — его добыча. Для меня эта жара может означать только одно — сидеть мне весь день в тюрьме из теней и прятаться от вредного мне тепла.

Говорят, когда людям не о чем поговорить, они начинают говорить о погоде, но это совершенная чушь. Говорить без скучной лексики синоптиков, рассказывать о том, как в твою жизнь вмешивается климат, *делиться* — это словно давать один пригласительный слушателю в собственный мир. Погода вокруг тебя — это твоё восприятие сегодняшнего дня. Один и тот же дождь для двух разных людей может быть и давящей печалью, и счастливыми слезами.

А что у тебя за окном? Доброжелательно ли тебя сегодня встречает город? Переменчиво ли его настроение обычно?

Я видела не так много городов, как мне хотелось бы. Внутри меня, в маленьком ограниченном теле, прячется путешественник, готовый восторгаться любым булыжником на своей дороге, но мне никак не удаётся выпустить его наружу. Дай ему волю, его сразу же унесёт с первым сильным ветром куда-то далеко от знакомых мне тропинок. Подкармливаю его рассказами из туристических документальных фильмов и фотографиями чужих стран, он всякий раз насыщается совсем не надолго. Покорми его и ты. Не используя слова, которые я могу найти на карте мира, расскажи, где ты живёшь. Я буду подбирать за тобой эпитеты и вплетать их в свой пейзаж. Буду доставать их из памяти, когда внутренний заключённый снова примется стучать по стене.

Мало городов, с которыми я успела познакомиться, но я уже, пожалуй, составила свою классификацию населённых пунктов. Я расскажу тебе о них, а ты в ответ скажи мне, какой из них ты предпочитаешь. Договорились?

Есть, к примеру, города-холерики.

Самые ненасытные из городов, они питаются нашим временем. Стоит только ступить на их владения — время разгоняется и бежит совсем по-другому. Они никогда не успокаиваются, гудят и ворчат даже по ночам. И придумывают себе события на ровном месте. Очень часто враждебно встречают

новых жильцов, сразу пугая всеми скверными чертами своего характера, но если ты ужился с ними, ты можешь там оставаться хоть навсегда, потому что эти города, как правило, богаты своими ресурсами. Потому раздражительны и сердиты. Кто-то ведь должен всё это строго охранять.

Коль скоро мы нашли холериков, есть и города-флегматики.

Единственная деятельность, близкая их натуре — *помнить*. О, и они помнят, ещё как. Свою историю, которую они расскажут любому заинтересованному. Они бережливо хранят её в старых постройках, собирают осколки былого в музеях. Но новые происшествия они встречают весьма неохотно. Всё в них идёт своим чередом, всё так, *как положено*. Ничем не хуже и не лучше некогда выбранной нормы.

Конечно, есть и города-сангвиники.

Любому труду они, разумеется, предпочитают отдых. Отдых — их второе имя. Они так сладко заманивают туристов в свой город, изо всех сил цепляются за чемоданы уезжающих, не желая их отпускать. Им всегда есть что показать, всегда есть чем удивить, они не устают делиться со всеми одним и тем же, изо дня в день по заученной схеме. Так и кажется, что они рады любому человеку. И порой эта их радость на-

чинает действовать на нервы их постоянным жильцам.

И, безусловно, города-меланхолики.

Может, когда-то они и были другими, но теперь постарели, местами работы с населением особо не делятся, поблекли, поломали несколько своих зданий, поблекли. Очень любят хныкать о том, что их бросают люди. Что никому-то они не нужны, кроме стариков, заставших их более светлые времена.

Город, в котором я родилась, выросла и где переживаю сейчас этот странный шаткий период своей несамостоятельности, — флегматичный меланхолик. Совсем не мой тип темперамента. Мы никогда особенно не ладили, и от каждого нашего конфликта креп внутренний путешественник. На стене рядом с моей кроватью расположилась карта мира. С появлением в доме кота она стала интересна не мне одной, вот только его интерес ей очень вреден, но раньше же мы с моим путешественником любили подушечками пальцев наступать на незнакомые города, подавая из моей комнаты сигналы: «Жди меня, я ещё заеду тебя навестить».

Когда-нибудь — обязательно.

А в дорогу я непременно возьму твои песни. Пусть они

оседают на фотографиях, которые я буду делать во время поездки. Думаю, это будет отлично. Я давно для себя решила, что лучшая трата всех ресурсов — семья, благотворительность и путешествия. И в последнее без музыки я не отправлюсь.

Посоветуй мне места, которые стоит посетить. Обещаю взглянуть на них твоими глазами.

Тонкс

Песни Brandon Flowers:

Lonely Town

I Can Change

Dreams Come True

Never Get You Right

Diggin' Up the Heart

кому: Angus & Julia Stone

*All I want to do is run around to your place and
Fix a drink and pretend that we are ok.
We can hide in the cover of the storm.
You're the lightning and I'll soon be gone.*

Мне понадобилось очень много времени, чтобы суметь ничего ни от кого не ждать.

Мой некогда приятель назвал бы это «*повзрослеть*». В некоторой степени он был бы прав, пожалуй.

Есть ведь в этом что-то совсем детское: на праздник ожидать подарки, в момент давящей тишины ожидать звонка и от почтового ящика ждать конверта с подписью знакомого имени, которое даже просто так себе самому приятно произносить. Праздники я стараюсь придумывать себе каждый день: сегодня вот День Фотографии, а завтра будет День Пиццы — словом, из-за регулярных праздников ожидания подарка я лишилась самостоятельно и совершенно спокойно, поэтому с первым вариантом всё очень просто. И совсем не просто с двумя другими.

Если ты падаешь и подсознательно ждёшь, что тебя пой-

мают, но на самом деле тебя собирается ловить только асфальт, который всему рад, и тебе, и твоим костям тоже, то так падать гораздо больнее, чем при полёте, во время которого не надеешься на помощь.

Когда я хочу поговорить об одном, а напрямую загрузить человека желаемой темой не могу, он же в ответ говорит о чём-то совсем другом, я вообще теряю способность поддерживать диалог на некоторое время. Прячусь за какими-то общими фразами, в которых вовсе нет меня, я всего лишь вычитала их где-то в книге или услышала в фильме. Иногда и совершенно остаюсь без умения контактировать с окружающим миром. Что мне тогда остаётся? Только укрываться в ваших песнях, как в палатке посреди чужого и незнакомого леса, полного пугающих теней.

Не подумайте только, что я не люблю вашу компанию, но мои выбрасывания на берег с очередным приливом собственных ожиданий мне как-то надоели. Насколько это возможно, я приучила себя ничего подобного не ждать. Строго говоря, всё ещё учусь. Мне стоит поблагодарить людей за эти уроки, в минувшем и текущем годах у меня было много занятий, которые пытались анестезировать мою большую ожидалку. Они делали в этом большущие успехи.

Только почему-то огромного облегчения я от утихших

ожиданий не получила. Хуже, конечно, тоже не стало, стало как-то... пустее? Есть такое слово? У меня будет. Выбрасывали свои детские поделки, потому что новые вещи некуда ставить, свою первую гитару, потому что новые хранить негде, и первые кипы стихов для своих наивных первых песен, потому что новые, более зрелые, для карьеры нужнее? Вроде и приятный процесс обновления, и очевидно, что необходимый, а вроде бы и немного себя выкинул. Место освободилось в комнате, а эти новые вещи, в них не так много души, как в том, что осталось за бортом. Они ещё не знают тебя.

«А никто не обещал, что взрослеть так весело и приятно», — снова отвечает мне некогда приятель. Давно ли он со мной говорить вздумал? Явно ещё до того, как сам унёс с собой гору трупов несбыточных ожиданий. В свою продуманную взрослую жизнь, которую мне было никак не понять.

Когда я слушаю вас в дуэте, я самой себе кажусь немного лучше, чем я есть. Именно в дуэте, а не сольные песни — видимо, в совместном вашем творчестве вы друг друга идеально дополняете, а в самостоятельные песни так и хочется чего-то добавить. Для того и придумал кто-то там, кто вершит музыку, это волшебное явление. Дуэты. Слышу вас и тоже становлюсь немного идеальнее. Не слишком инфантильным ребёнком, обречённым на разочарования. Не слишком

занудным взрослым, который говорит настолько скучные вещи, что у самого зубы болят всё это произносить. Умнее. Правильнее. И даже добрее. Это один из двух возможных эффектов от прикосновения к чему-то очень-очень хорошему. Ты словно сам чем-то причастен к той красоте, которой коснулся, а потому и сам ты лучше, чем думал до этого момента. Второй возможный эффект совершенно противоположный — почувствовать себя гораздо хуже, потому что перед глазами контраст между совершенным Чем-то и несовершенным тобой. Но в случае с вашей музыкой со мной это не происходит.

Скажите честно, когда вы разучились жить в ожидании? И разучились ли?

«И пока ты там совсем не свихнулась, решив, что поумнела, стала лучше и можешь вот так людям в душу лезть, я тебя спущу с небес на землю и напомню кое-что: ты тоже периодически разбиваешь чьи-то ожидания, — всё не успокаивается некогда приятель, да кто ему вообще додумался слово давать, — И по законам жанра, ничего об этом не знаешь и в упор свои подвиги не замечаешь. Как и те, кто виноват в гибели твоих ожиданий».

Чёрт с тобой, зануда. Закончу-ка я с рассуждениями на сегодня и просто дослушаю любимый альбом.

Тонкс

Песни Angus & Julia Stone

Oakwood

Cellar Door

Nothing Else

My House Your House

Baudelaire

кому: **Breaking Benjamin**

*We know this kind of life,
We live, we breathe, we die.
They call me to the light,
Forever lost in time.
With every dream we find,
We feed, we burn, we lie.
The fall of humankind,
The everlasting light.*

Когда-то мой лучший друг прописался в больнице. Повод был серьёзный, да и работа на него плюнула. Он очень сильно её любил, но она перестала ему даваться. Руки не слушались, взгляд не фокусировался спустя полчаса напряжения или около того.

Он оставил всё, абсолютно всё, не считая мобильного телефона, у себя дома, проигнорировав список того, что необходимо взять в стационар, этот список ему предупредительно дала медсестра. Спустя пару дней эта изрядно смятая бумажка попала ко мне в руки — по паутине её складок была хорошо видна тяжесть её судьбы. Список всех принадлежностей, вроде кружки для утешительного чая или тарелки для занудной каши, мой друг отдал мне, сказав, что будет мне звонить, когда ему по-настоящему что-то понадобится.

Я же, узнав о его нужде, буду записывать её на обратной стороне листка или подчёркивать уже написанное слово, если его необходимость совпадёт с тем, что ему рекомендовала медсестра. Ну и, конечно, стараться помочь ему с доставкой предмета нужды. Таков был его план.

Первые несколько часов это казалось мне самым странным и бессмысленным его поступком. То есть... ну как жить спокойно, если у тебя во рту Армагеддон, а всё потому, что ты не почистил зубы? Сознательно оставив зубную щётку дома.

Позже его эксперимент стал мне более понятен. Он не хотел бездумно нести в больницу всё, что положено. Он хотел знать точно, без чего он **совсем** не сможет прожить месяц. Я и другие его товарищи примерно за три – четыре дня принесли ему всё, что оказалось нужно. Все остальные поступавшие пожелания были исключительно пищевыми и не такими срочными.

Не помню, сколько прошло времени, когда я принесла ему грейпфрутовый сок и решила спросить, на кой ему всё-таки понадобился эксперимент. Перед госпитализацией можно было бы сесть и основательно подумать, исключив всё ненужное, — наверняка результат был бы тем же. В ответ мне была его фирменная снисходительная усмешка — воз-

можно, вы знаете это самодовольство людей, которые наконец получают вопросы, на которые ну очень хотят ответить. Похоже, это явно был тот самый случай.

«Ты и есть то, в чём ты нуждаешься больше всего, — с самым философским тоном, который только возможен, ответил он, прерываясь на глотки сока. — Мне просто хотелось точно узнать, что такое я. Я не слишком удивился ответу, но всё же, это было занятно».

Я посмотрела на его законную долю палаты со всем, что мы принесли ему, и узнала, что же он такое. Фотоаппарат, приставший к розетке своим зарядным разъёмом: дай, дай, дай энергии и отстану. Старая гитара с царапинами от одного довольно серьёзного падения по лестнице, но новыми струнами — за них она ему всё простила. Вилка и нож, ни в коем случае не свежкупленные, потому что так *«нет эффекта, что ты дома или хотя бы в гостях»*. Оскар Уайльд, запёртый в старом томе своих произведений с варварскими пометками на полях его пьяным почерком. Я не назову весь список вещей, охранявших его иллюзию удобства, но, по моим ощущениям, тогда я действительно осмыслила, какого именно человека я знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.